

ВОЙНА ЗА ЛИВОНИЮ

После покорения Казани Россия обратила свои взоры на Запад. Она испробовала силу оружия в короткой войне со шведами (1554–1557) и под влиянием первого успеха выдвинула планы покорения Ливонии и утверждения в Прибалтике.

Ливонское государство переживало трудное время. Его раздирали национальные и социальные противоречия. Князья церкви и немецкое рыцарство, постоянно пополнявшееся выходцами из Германии, господствовали над коренным населением — латышами и эстонцами.

Ливонской конфедерации не доставало политической централизации: ее члены — орден, епископства, города — постоянно враждовали между собой. Реформация усилила разобщенность. Орден и епископства остались в лоне католической церкви, но лишились прежнего авторитета. Религией дворян и бюргеров стало протестантство.

Ливонская война превратила Восточную Прибалтику в арену борьбы между государствами, добивавшимися господства на Балтийском море: Литвой и Польшей, Швецией, Данией и Россией. Россия преследовала в войне свои особые цели.

Богатые ливонские города издавна выступали в роли торговых посредников между Россией и Западом. Орден и немецкое купечество препятствовали росту русской торговли. Между тем потребности экономического развития диктовали России необходимость установления широких хозяйственных связей со странами Западной Европы.

Со времени появления англичан на Белом море в 1553 г. Россия завязала регулярные торговые сношения с Англией. Перед самой Ливонской войной московское правительство позволило англичанам устроить «пристанище корабельное» на Белом море и разрешило им «торг по всему государству повольной». Но суровые естественные условия стесняли развитие торговли на Белом море. Гораздо больше для торговли подходило Балтийское море. Накануне Ливонской войны Россия владела обширным участком побережья Финского залива, всем течением реки Невы, по которой проходил древний торговый путь «из варяг в греки». Русским принадлежал также правый берег реки Наровы, в устье которой заходили корабли многих европейских стран. Едва закончив войну со шведами, правительство решило основать морской порт в устье Наровы. В июле 1557 г. дьяк Иван Выродков построил на Нарове «город

для бусного (корабельного) приходу заморским людям», первый русский порт на Балтийском море. Царь воспретил новгородским и псковским купцам торговать в ливонских городах Нарве и Ревеле. Отныне они должны были ждать «немцев» в своей земле. Но попытка наладить морскую торговлю с Западом через устье Наровы не дала результатов. Корабельное «пристанище» на Нарове было готово, а иноземные купцы продолжали плавать в немецкую Нарву.

Под давлением России ливонцы еще в 1554 г. обязались платить царю «юрьевскую дань» — деньги за владение древним городом Юрьевом (Дерптом). В XV в. эту дань ливонцы платили Пскову. Договоры Москвы с Дерптом XVI в. традиционно упоминали о «юрьевской дани», но фактически о ней давно забыли.

По соглашению 1554 г. первые выплаты должны были поступить в царскую казну в 1557 г., но обязательство не было выполнено Орденом. В 1558 г. русские войска прошли через Ливонию огнем и мечом от Пскова до Ивангорода, разорив окрестности Дерпта.

Военные действия в Ливонии приобрели серьезный оборот после того, как в Ивангород прибыли воеводы Алексей Басманов и Данила Адашев. Две крепости — немецкая Нарва и русский Ивангород — находились на противоположных берегах Наровы, друг против друга, на расстоянии пушечного выстрела. По временам тут вспыхивали перестрелки. Одна из таких перестрелок завершилась пожаром в Нарве. Улучив момент, царские воеводы переправили войска через реку и предприняли штурм. Силы, которыми располагал воевода, были ничтожны, но ливонцы не устояли перед внезапным и стремительным натиском. Непрístupная крепость, основанная рыцарями на древнем новгородском рубеже, пала.

В Псков был направлен воевода князь Петр Шуйский с войском. Вторгшись в Ливонию, русские в течение одной кампании заняли Дерпт и 15 других замков и городков.

В письме к Курбскому Иван IV сетовал на то, что с первых дней войны «с гермоны» советники досаждали ему порицаниями и укорами: «Какова отягчения словесная пострадах, их же

несть подробну глаголати». Можно ли на основании этого заключить, что Адашев и его окружение были противниками Ливонской войны? Едва ли это так.

На что жаловался самодержец? Царь, по его собственным словам, отправил к воеводе князю Петру Шуйскому семерых гонцов, прежде чем тот предпринял наступление. Слова царя если и заключали преувеличение, то небольшое.

В Ливонии было множество каменных замков, имевших превосходные укрепления и в избытке снабженных артиллерией. В таких условиях царские воеводы действовали с большой осторожностью. Оставаясь в Пскове, Шуйский посылал «в немцы» небольшие отряды. Кампания началась с того, что Андрей Шеин и Данила Адашев разбили войско дерптского епископа. Лишь после этого воевода Василий Серебряный осадил Дерпт и принудил город к сдаче.

Два обстоятельства вызывали особое раздражение Грозного. Во-первых, ему приходилось много раз повторять свои распоряжения. Во-вторых, воеводы использовали для наступления небольшие силы.

Препирательства («претыкания») обнаружили тот неприятный для самодержца факт, что бояре не признают его авторитет в военных вопросах. В их неповиновении царь усматривал главную причину того, что русские войска не достигли решающих успехов в Прибалтике. «И аще бы не ваша злобесная претыкания, — писал царь Курбскому, — и з Божиею помощю уже бы вся Германия была за православием».

Иван достиг тридцати лет. После победы над Казанью он поверил в свой военный талант. Лесть придворных укрепила его веру. Самодержец проявлял нетерпение. Он торопил воевод с завоеванием владений Ордена. Но Боярская дума возражала против посылки в Прибалтику главных сил русской армии. На то были свои причины.

Накануне Ливонской войны Россия потерпела крупное поражение в войне с кочевниками. В 1555 г. крымский хан разгромил войско Ивана Большого Шереметева в трехдневном сражении у Судьбищ близ Мценска.

Москва недооценивала опасность войны на два фронта — на юге и в Прибалтике. Иначе невозможно объяснить тот факт, что уже после начала военных действий в Ливонии в 1558 г. царь распорядился арестовать крымских послов, что вело к разрыву мирных отношений.

Адашев и дума не были противниками войны в Ливонии. Брат правителя Данила участвовал почти во всех военных операциях в Прибалтике и получил за это титул окольного. Но правитель и Ближняя дума надеялись избежать крупномасштабной войны в Прибалтике.

В глазах опытных политиков главную угрозу для России представляли степные кочевники. Многовековой опыт подтверждал такую оценку. Спор из-за Казани не был решен окончательно. Казанские татары просили единоверцев в Крыму о помощи. За спиной Крыма стояла могущественная Османская империя. В России не забыли о крымском нападении на Москву в 1521 г., когда Василий III обязался возобновить выплату дани Орде.

Обе стороны готовились к решающему столкновению. Планы военного разгрома Крыма вступили в фазу практического осуществления. Подобно Дмитрию Донскому, Иван должен был отправиться в степи и разгромить Орду в большом сражении. В 1559 г. слуга и боярин князь Михаил Воротынский получил приказ идти из пограничной крепости Дедилова на поле «мест смотрити, где государю и великому князю полком стояти».

По свидетельству Курбского, мудрые советники настаивали на том, чтобы царь сам возглавил поход на Крым: «...стужали, да подвигнется сам, с своею главою, со великими воиски на Перекопского».

В преддверии крымского похода Адашев и Висковатый провели мирные переговоры с Орденом, используя посредничество Дании. Россия предоставила магистру Ордена перемирие на полгода. Характерны сроки перемирия — с мая по ноябрь. Именно на эти месяцы приходились опустошительные татарские набеги. Готовясь к решительному столкновению на

южной границе, русское правительство должно было заключить перемирие на западных рубежах.

В конечном счете ожидаемое вторжение не состоялось. Хан Девлет-Гирей с Ордой вышел к русской границе в районе Верхнего Дона и Мечи. Тут он узнал, что царь с войском отложил поход в Ливонию и находится в Москве. Крымцы повоевали в пограничных уездах и отступили в степи.

Иван IV требовал окончательного разгрома Ливонского ордена. Его советники считали, что сопротивление ливонцев сломлено и для завершения войны достаточно будет дипломатических мер. До истечения перемирия магистру надлежало явиться в Москву «да за свои вины добити челом на всем том, как их государь пожалует». Но Москва так и не дождалась магистра.

Значение разногласий по внешнеполитическим вопросам не следует преувеличивать. Они тревожили Грозного не сами по себе. Царя не удовлетворяла прежде всего та роль в военном руководстве, которую отвела ему дума. Советники прельщали самодержца славой покорителя Крыма, защитника православия от басурман. Но на южных границах никаких сражений не произошло. Крымская кампания принесла лавры одному Даниле Адашеву, возглавившему морскую экспедицию к крымским берегам.

Война в Прибалтике, блистательно начавшаяся, грозила обернуться дипломатическим и военным поражением. Магистр Кетлер отверг московский ультиматум и подписал договор с литовцами. Орден перешел под протекторат короля Сигизмунда II. Договор круто изменил ход войны. Конфликт с Ливонией стал стремительно перерастать в войну с Литвой и Польшей в тот момент, когда Россия ввязалась в войну с Крымским ханством.

Рыцари использовали перемирие, предоставленное им Москвой, для сбора военных сил. За месяц до истечения срока перемирия орденские отряды появились в окрестностях Юрьева и нанесли поражение русским отрядам, находившимся там. Воеводы потеряли более 1000 человек убитыми.

Царь намеревался без промедления ехать в Ливонию, чтобы исправить положение. Бояре отговорили его. Выбор Грозного пал на Курбского. Беседуя с ним, Иван сказал: «Принужден бых... або сам итти соппротив Лафлянтов, або тебя, любимого моего (Курбского), послати, да охрабрится паки воинство мое».

Вслед за Курбским в Ливонию двинулся воевода Мстиславский. На дворе была осенняя распутица, и царская рать застряла в грязи на столбовой дороге из Москвы в Новгород. В это время стало известно о появлении татар на южной границе.

Военные осложнения вызвали растерянность в Боярской думе. Царю сообщили о военных неудачах в то время, когда он был на богомолье в Можайске, куда он выехал по случаю болезни жены. Адашев и Сильвестр настаивали на срочном возвращении царя в Москву. Иван рискнул отправиться в путь вместе с тяжелобольной царицей. После утомительного переезда царская семья прибыла в столицу, но оказалось, что особых причин для спешки не было: гарнизон Юрьева отбил нападение ливонцев, татары отступили в степи.

При таких обстоятельствах произошло резкое объяснение между царем Иваном и его наставниками.

Размолвка с ближайшими советниками грозила перерасти в столкновение с думой. В 1559 г. царь отправил князя Дмитрия Курлятева на воеводство в Юрьев Ливонский. Князь был одним из самых влиятельных членов Ближней думы, и его назначение было равносильно почетной ссылке. (Позже подобное же назначение получил Курбский.) Курлятева удалили из столицы на год. Сильвестр не смог оградить его от царского гнева.

Еще более важное значение имела другая отставка. Едва ли не лучшим полководцем XVI в. был князь Александр Горбатый-Суздальский. Ливонская война вступила в затяжной период. Россия как никогда нуждалась в выдающихся военачальниках. Но Горбатый получил последнее воеводское назначение летом 1559 г., после чего не получал новых воеводских постов.

Горбатый был отставлен от руководства военными делами. Царь осуществил свое давнее намерение. В Ливонию были впервые двинуты очень крупные силы, отозванные с южных границ. По свидетельству Курбского, в Дерпт прибыли 30 000 конных и 10 000 пеших воинов.

Грозный придавал кампании особое значение, поэтому вслед за Курбским в действующую армию выехал Алексей Адашев.

Царские воеводы наголову разгромили отборное рыцарское войско под Эрмесом и заняли резиденцию магистра — замок Феллин. Победителям досталась почти вся артиллерия Ордена. После неудачной осады небольшого замка Пайды (Вейсенштейна) наступление русских войск приостановилось. Отказ от решительных действий связан был с тем, что воеводы опасались удара со стороны находившихся под Ригой литовских войск. Правитель стремился избежать войны с Польско-Литовским государством.